

Радж Ларго

12+

Крик Белой Вороны

«Чело-век! Это звучит... гордо!»

Радж Ларго

Крик белой вороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65332727

SelfPub; 2021

Аннотация

Такие благородные профессии, как педагог и врач порядком утратили свое былое величие. Большинству представителей этих профессий по большому счету наплевать на объектов своих исследований. Их волнует лишь, приносимая от деятельности, нажива. Герой этой повести – обыкновенный учитель в самой обычной школе, по совместительству бывший хирург, сменивший скальпель на авторучку и тетрадки. Несмотря на всевозможные влияния извне, он стремится остаться верным своей выбранной стезе и человечности, никогда не отказывая в помощи даже тем, кто, возможно, этого вовсе не заслуживает...

Радж Ларго

Крик белой вороны

В ничем не примечательном кафе за неприметным столиком сидел одинокий человек. Перед ним было открыто меню, но за неимением познаний в области современных блюд с тяжело произносимыми названиями, он перелистнул страницу, решив заказать хоть какой-нибудь напиток, чтобы не опростоволоситься перед официантом, который неустанно маячил рядом, с блокнотом и ручкой, готовый беспрекословно выполнять все, что ему прикажут. В конце концов, закрыв меню, посетитель попросил гарсона предложить что-нибудь из блюд и напитков, ссылаясь на то, что работникам кафе виднее, что вкуснее и изысканнее.

– А я думал, что уже не спросите мнения эксперта, – ответил молодой фронт с гордостью, растягивая слова. Исходя из его манеры говорить, чувствовалось, что парень принадлежит к нетрадиционной сексуальной ориентации. – Могу предложить наши фирменные хориатики с фокаччо, а к ни.....

– Простите великодушно, что перебил, но, стесняюсь спросить: то, что вы назвали – это название блюда или вы решили блеснуть своими познаниями в области литературы Раннего Возрождения, в частности Боккаччо? – спросил посетитель.

– Не Боккаччо, а фокаччо, – все так же, растягивая слова, произнес официант с таким видом, будто оскорбили всю его родню. – Это самый греческий салат. Ну хорошо, тогда попробуйте Grilled Salmon – это шашлычки из лосося и цуккини в соусе Терияки на подушке из микса салатов. Из напитков очень советую Latte macchiato.

– Откуда же ты взялся такой на мою голову, а, то ли девочка, а то ли виденье? – поморщившись, тихо пробормотал человек за столом, вспомнив каламбур из песни Леонидова. Пожалев о том, что обратился к официанту, он попросил принести обычный черный кофе с двумя ложками сахара.

Саркастически фыркнув, «виденье» повернулось и ушло, так ничего не записав. За соседним столиком стало уж слишком шумно. Группа из четырех человек горячо доказывала одному из сидящих за их столиком, что молчать за столом и тем более не пить, это аморально. Тот, сухощавый молодой парень в очках, покорно слушал, опустив голову. Он поднял голову и сказал, что считает ниже своего достоинства произносить слова по матери за столом, тем более в присутствии девушки. А молчит он так как не разделяет увлеченности всех присутствующих темой о больших женских бюстах. Его речь, судя по-видимому, оскорбила всех, даже упомянутую девушку, которая ничуть не отставала от мужчин ни в сквернословии, ни в употреблении горячительных напитков. Докурив сигарету, она бросила окурочку ему в стакан с чаем, и велела выпить до дна. Остальная компания с громкими смеш-

ками настаивала, чтобы парень еще и съел окурочок. За этой сценой краем уха следил одинокий человек, который заказал кофе. Он упорно не смотрел на шумную компанию, так как не хотел портить себе ни настроение, ни аппетит. Этот человек был мизантропом до мозга костей, но имел одну слабость: не мог терпеть несправедливость во всех ее проявлениях. Услышав, как один из них громко говорит второму, чтобы тот пил по скорее, так как сейчас он тоже докурит, он повернулся и увидел, как парень с отвращением выпивает чай с окурочком. Это стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Человек встал и подошел к ним.

– Если бы вы были людьми, я попытался бы объяснить вам на человеческом языке, но так как передо мной человекообразные приматы, то только на доступном вам наречии. Упейтесь хоть до пороссячьего визга, но не смейте заставлять паренюшку пить окурочок. А что же касается тебя, – обратился он к парню, пьющему чай с окурочком, – где твое достоинство? Дома забыл? – как и следовало ожидать, они начали возмущаться, а их главный замахнулся рукой на говорившего, намереваясь разбить тому голову кружкой пива. Но тот перехватил руку и вывернул, вроде бы не сильно, но у нападающего перекошилось лицо от боли. Все затихли, кроме задирь. Он негромко стонал, с ужасом смотря на незнакомого человека. – Сядь на место! – приказал тот, – и чтоб тихо, ни звука. – все четверо кивнули. Подойдя к своему столику, он кинул на стол купюру и направился к выходу.

Он преподавал литературу в средней школе, хоть и являлся дипломированным хирургом. Коллеги по работе старались не контактировать с ним, так как его речь, манера одеваться и держаться наталкивала их на мысль о том, что их коллега ненормальный, психически неустойчивый человек, хоть подтвердить, либо привести какие-либо доводы в пользу своих убеждений не могли. Учителя частенько собирались в учительской и беседовали о всякой всячине, однако «ненормальный» не принимал участия в светской беседе. Он предпочитал проводить время с некоторыми, а точнее с теми учениками, которые проявляли желание получать знания. Их учитель был ярким приверженцем того, что система образования устроена неправильно, что не нужно заставлять детей учить никому не нужные предметы. В один из первых дней в школе, он стал свидетелем того, как учитель называет бездарностью мальчика за то, что тот не знает какого количества, могут достичь реснички у инфузории-туфельки. В конце того дня, он сказал ей при всех, что нет бездарных детей, а есть бездарные учителя, долг которых заключается не в том, чтобы заставлять детей зубрить ненужные вещи, а разглядеть и развить в каждом ребенке талант, а он есть абсолютно у всех. С того самого дня ни она, ни другие преподаватели с ним не разговаривали, только по необходимости, более того они высмеивали его за спиной при учащих.

На сегодняшний день в школе был намечен совет педагогов и руководства. Причиной этому событию послужил во-

прос, выдвинутый руководством и учителями, в первую очередь учительницей по биологии Зинаидой Михайловной по прозвищу «змея», питающей к своему коллеге одну лишь враждебность, о профпригодности преподавателя литературы Даниса Александровича.

– Войдите. – ответил голос директора за дверью, когда Данис Александрович постучался. Кроме директора его встретили недоброжелательные взгляды завуча и Зинаиды Михайловны. – Почему вы заставляете нас ждать вас, позвольте спросить? – обратилась к нему директор без приветствия. – Или вы осмеливайтесь думать, что нам больше нечем заняться?

– Я прошу прощения. Меня задержали кое-какие обстоятельства в кафе. – ответил Данис Александрович.

– Вместо того, чтобы явиться на совет, он, изволите ли видеть, трапезничает в кафе. – язвительно сказала Зинаида Михайловна, обращаясь к завучу и директору. Литературовед воздержался от комментария. Он хорошо знал этот тип людей, к которому принадлежала язвительная особа и очень не любил.

– Будьте добры, – холодно обратилась руководительница школы к литератору, не называя его по имени, – объяснить здесь присутствующим, почему на вас постоянно поступают жалобы от преподавателей? – Данис Александрович молчал, ожидая продолжения.

– Да, будьте столь великодушны! – продолжала злорад-

ствовать Зинаида Михайловна. – Объясните, чем были вызваны оскорбления в мой адрес в присутствии коллег? – Мужчина продолжал молчать.

– Пожалуй главная здесь змея, а не директор, – подумал он, – и инициатор собрания тоже.

– Да что же вы молчите? Язык проглотили? – впервые обратилась к нему завуч, при этом поглядывая на змею и директора, словно ища в их лицах одобрения. – Кстати, кто вам дал право приходить в учебное заведение в таком виде? – продолжала она, указывая на его обувь, которая представляла из себя деревянные сандалии в форме скамеечки, на широкие штаны, как у персидских султанов и футболку. – Вам не раз делались замечания по поводу вашей одежды, однако вы упорно игнорируете все замечания.

– Извольте отвечать, когда к вам обраща... – не договорила Зинаида Михайловна. Она схватилась за горло обеими руками и рухнула на стул, не в силах выдохнуть. Директор и ее зам соскочили со своих мест. – Да что с вами? – вопрошали они в ужасе, обступив Зинаиду Михайловну.

По-прежнему ничего не говоря, Данис Александрович открыл свой чемодан. В нем находились тетради, ручки, а также яблоко и кухонный нож. Выхватив нож и обычную ручку, он подошел к Зинаиде Михайловне. Его движения были молниеносными. Из ручки вынул стержень. Аккуратно уложил ее на пол, под лопатки положил толстую папку со стола, затем запрокинул ее голову назад. После чего пальца-

ми левой руки пощупал шею, для того, чтобы зафиксировать щитовидный хрящ. Ножом, которая была у него в правой руке, рассек кожу и сделал надрез. Пальцами расширил трахею. Через разрез, в просвет гортани вставил пустую ручку. После этого женщина смогла вдохнуть. Данис Александрович поднялся, подошел к своему чемодану, вернул нож на место и запер его. Все были ошеломлены увиденным. Взоры, обращенные на него, были полны удивления, восхищения и благодарности.

– Я сделал ей коникотомию. – сказал бывший хирург. Я заметил при ее вдохе свистящий шум, ее дыхание стало тяжелым. Если бы я помедлил, у нее могло возникнуть остановка дыхания. А теперь, с вашего позволения, я отвечу на ваши вопросы. – сказал педагог, усаживаясь на стул. – От преподавателей поступают жалобы, так как я не раз им говорил, что нельзя обращаться с детьми, как с отбросами, не нужно их обзывать, от этого они умнее не станут, а ведь наша с вами задача научить их уму разуму. Если бы наше общество было устроено правильным образом, то важнейшей из наук являлась бы педагогика, и назначение ее заключалось бы в том, чтобы нащупать и развить в каждом ребенке присущий ему и только ему драгоценный талант. Я убежден, что каждый, абсолютно каждый ребенок наделен талантом. Наша, то есть, задача педагогов заключается в том, чтобы разглядеть, выявить этот талант и помочь ребенку развивать его. Мои коллеги сочли мои замечания за оскорбления и принялись

жаловаться. А что же касается моей одежды, то не вы, никто-либо другой не можете заставить меня не носить то, в чем я чувствую себя комфортно. В этой футболке и широких штанах я чувствую себя свободным, а то, что на ногах – это Гэта – японские сандалии. В них мои ноги свободно дышат. Все просто. – улыбнулся он. – В конце концов в школу мы приходим не для демонстрации своего туалета, а чтобы преподавать. Я ведь не прихожу в дезабилье? – улыбнулся он, смотря на завуча. – А сейчас, с вашего позволения, позвольте отклониться. Я опаздываю на занятия. – Он хотел направиться к выходу, как Зинаида Михайловна очень тихо произнесла: «Спа...». – Простите, что? – спросил он.

– Спасибо! – хором сказали директор и завуч. – она хотела сказать «спасибо». – сказала директор.

– Не стоит благодарностей! – ответил педагог и вышел.